

— Кто! — Беспокойство... Всё, конец, конец, если не вернусь вовремя, пропущу ужин, и неизвестно, что ещё выкинет госпожа Шэнь Цин.

Лу Юши совершенно забыл об этом.

Он изо всех сил спешил домой, но всё же опоздал на ужин на пять минут.

За столом сидели все, молча наблюдая, как он входит в столовую. На столе стояли блюда, но никто не притрагивался к еде.

— Прости... — он не успел закончить, как его прервала госпожа Шэнь Цин.

— Садись ужинать.

Закон «за едой не разговаривают» мгновенно вступил в силу, и все за столом, словно по команде, начали есть.

Лу Юши только что плотно поел, так что сейчас у него совсем не было аппетита. Он лишь делал вид, что медленно и тщательно пережёвывает, чтобы протянуть время.

Наконец ужин закончился. Он увидел, как бабушка неторопливо вытерла уголки рта и сделала глоток горячего чая:

— Сяоши, что-то случилось в школе сегодня?

Госпожа Шэнь Цин, будучи членом совета директоров Хуасина, могла просто позвонить кому угодно и узнать всё, что происходит в школе. Так что отговорки вроде внезапной тренировки школьной сборной не сработали бы. Он выбрал правду, слегка приукрасив.

— У одного из одноклассников на дороге лопнула шина на велосипеде, и он упал, довольно сильно, — прости, брат, — мысленно попросил он. — Я отвёл его в ближайшую клинику на перевязку, а потом помог починить велосипед.

— Чинил велосипед?

— Ага, рядом со школой есть мастерская, но хозяин ушёл на обед, так что пришлось делать самому. Впервые чинил, так что потратил больше времени.

Госпожа Шэнь Цин кивнула:

— Помогать одноклассникам — это хорошо, но в следующий раз, если задерживаешься,

позвони домой.

— Мы будем волноваться.

Лу Юши был приятно удивлён, что бабушка на этот раз оказалась так снисходительна. Вернувшись в свою комнату, он вдруг понял, что забыл попросить брата добавить его в QQ.

Открыв телефон, он увидел, что тот всё ещё не ответил.

Неизвестно, как там малыш, но даже листая телефон в поисках способа связаться с Цзин Му, он не мог ничего сделать. Ладно, не буду думать об этом, завтра утром спрошу его лично.

Однако на следующий день он ждал весь день, но так и не дождался подходящего момента.

На прошлых уроках уже разобрали экзаменационные работы, и теперь начали новую тему. Утром на занятиях большинство из школьной сборной дружно спали, что было впечатляюще синхронно. Конечно, и среди тех, кто сидел впереди, многие отлынивали, рисовали или дремали.

Учителя в этом классе обычно не сходили с кафедры, придерживаясь принципа «хочешь — слушай, не хочешь — не надо». Особенно выделялся учитель истории, Ли Вэйсинь, которого Ван Чжэ называл Винни Пухом.

Он действительно был похож. Когда он вошёл в класс, Лу Юши был поражён, обернулся к Ван Чжэ, но тот спал как убитый.

— Сегодня мы разберём тему номер два: наука и культура древнего Китая. Четыре великих изобретения вы все знаете, так что начнём с того, что вам неизвестно...

Учитель Ли, простите, Ли Вэйсинь. Его речь была выразительной и чёткой, с мощным голосом.

И, что удивительно, очень убаюкивающей.

Лу Юши заснул и успешно перенёсся на два часа вперёд, пробудившись от невыразимо душераздирающих звуков.

У стены собралась группа людей, и именно оттуда доносились эти неприятные звуки.

— Я не могу это сделать! Почему я не могу это сделать! — Голос был настолько жалобным, что вызывал сочувствие.

Ван Чжэ не было на месте, Сунь Луин сидел, скрестив руки, и смотрел на происходящее с безразличием.

— Что там происходит, Луцзы? — спросил Лу Юши.

Сунь Луин покачал головой:

— Мы были на утренней тренировке, так что не знаю, что случилось в классе.

— Почему я такой глупый...

На самом деле, этот парень не кричал слишком громко, иначе учитель бы уже пришёл. Просто голоса мальчиков в период полового созревания редко бывают приятными, а этот Чжоу Сян, похоже, как раз проходил через это.

Что его так расстроило?

Кто-то успокаивал его мягким голосом:

— Не переживай, давай вместе разберёмся. Можешь показать мне свою тетрадь? Я, кажется, её ещё не купил.

Остальные тоже начали говорить:

— Я на экзамене был семнадцатым с конца, и не плакал же, Чжоу, зачем ты ревёшь?

— Разве Гуапи не добавил тебе те три балла, которые пропустил?

— Да, вчера в пятом классе кто-то спрашивал о твоих баллах, я слышал, их первый ученик отстаёт от тебя почти на пятьдесят баллов, и им всё мало?

Чжоу Сян не обращал на них внимания, крепко держа свою тетрадь и продолжая всхлипывать.

Цай Ино не знал, как его успокоить, не решаясь отнять тетрадь силой, и пытался уговорить остальных не подливать масла в огонь. Он совсем растерялся. Когда прозвенел звонок на урок, он не мог больше занимать чужое место и не знал, что делать, как вдруг перед ним появился лист бумаги формата А4.

— Старший?

— Должно быть, это задача, — сказал Цзин Му.

Цай Ино рефлекторно взял лист, бегло просмотрел его, хотя сразу не понял, но быстро поднял Чжоу Сяна со стола:

— Сян, посмотри, это та задача, которую ты не мог решить? Старший написал решение.

Чжоу Сян сопротивлялся, но его хрупкое телосложение не могло противостоять Цай Ино, и он, всхлипывая, сказал:

— Не называй меня Сян, ты сам Сян, вся твоя семья Сян.

— Я не хочу смотреть на то, что он написал, я ненавижу его, я ненавижу его.

Он толкнул Цай Ино, и лист бумаги мгновенно смялся.

Цай Ино смущённо посмотрел на Цзин Му, разглаживая лист и складывая его:

— Старший, извини.

Цзин Му покачал головой, показывая, что это не важно. Он действительно не понимал, из-за чего Чжоу Сян так расстроился. Неужели из-за выпитого псевдоалкоголя он так разошёлся?

Это продолжалось до начала урока, а потом кто-то создал в классе маленькую группу, где начали обсуждать произошедшее. Чжоу Сян ещё некоторое время лежал на столе, но потом, видимо, успокоился и натянул капюшон на лицо.

У Цин, увидев это, ничего не сказала и продолжила урок.

На середине урока Цзин Му почувствовал, как его лопатку снова ткнули. Затем маленький свёрнутый листок перелетел через его плечо и упал в складки свободной школьной формы.

Передача записок была обычным делом в их классе, но Цзин Му никогда не ожидал, что записка окажется у него.

Записка была аккуратно свёрнута, на краю была прилеплена крошечная белая резинка, а вдоль края было написано четыре иероглифа.

«Старшему лично»

Сразу было понятно, что это от Цай Ино.

Цай Ино, видя, что старший долго не реагирует, снова ткнул его ручкой. Цзин Му почувствовал, что если он сейчас не откроет записку, то её будут тыкать до конца урока, и нехотя развернул её.

В начале было написано: «Старший, прошу прощения!» и нарисован маленький человечек, кланяющийся в землю.

«Чжоу Сян не хотел вас обидеть, вы великодушны, не обращайтесь внимания. Завтра принесу вам жареные булочки с перекрёстка Чжуаньсян, обязательно горячие!»

Цзин Му подумал, что это было излишне. Он, конечно, не был великодушным, но и не настолько мелочным. Хотя жареные булочки с перекрёстка Чжуаньсян действительно были вкусными...

Поскольку большинство в классе либо спали, либо играли на телефонах, все эти мелкие движения не остались незамеченными для Лу Юши, и его настроение ухудшалось с каждой минутой.

Во время перемены он уже был крайне недоволен.

Что это за Чжоу Сян за человек? Как он мог публично кричать «ненавижу» его брату? Что в его брате могло быть неприятного? У него самого характер, как у маленькой принцессы, откуда у него право судить других.

И Цзин Му тоже, зачем ему лезть к таким людям? Нет, у его брата лицо вовсе не «горячее», и он не лезет к другим. Выглядит холодным, но на самом деле слишком заботится о всех вокруг.

А этот Цай Ино вообще перешёл все границы. Почему он всё время тычет в брата на уроках, разве он не понимает, что тратит чужое время — это тратить чужую жизнь! Такая простая истина, а он её не понимает. И брат ещё с ним общается — что же было в той записке?

Лу Юши был на грани.

Наконец прозвенел звонок, и У Цин, не теряя ни секунды, отпустила класс. Лу Юши тут же выскочил из-за парты.

<http://bllate.org/book/15440/1369409>